

Kerimov A.D.♦

DOI: 10.31857/S1026945224030077

UDC: 340.12; 343

**Problems of philosophical and ethical understanding
of criminal acts of a person**

Abstract: The work examines some issues of the Philosophy of Law (in particular criminal), especially those raised in the articles: I.M. Ragimov, A.N. Savenkov, Kh. J. Alikperov “Etiology of individual criminal behavior: looking at the problem from different angle”. The author defines the criteria for being scientific, advocates for the widest possible use of an interdisciplinary approach in the research process, highly appreciates the provisions and conclusions contained in this article, and calls on the scientific community for their further discussion. At the same time, he expresses doubts about the validity of the thesis about the inevitability of lifetime retribution for the atrocities committed.

Key words: science; interdisciplinary approach; creative efforts; crime; punishment; good; evil; retribution; conscience; guilt.

References

1. Aleksandrov A.I. Philosophy of evil and philosophy of crime (issues of Philosophy of Law, criminal policy and criminal procedure). 2nd ed., reprint and add. S. Petersburg, 2020 (in Russ.).
 2. Anthology of wisdom / comp. V.Yu. Shoikher. Moscow, 2007 (in Russ.).
 3. Dostoevsky F.M. Collected works: in 20 vols. Vol 13. Brothers Karamazov: novel: in 4 parts with an epilogue. P. 1, 2/approx. A. Batyuto, V. Vetlovskaya, G. Friendlander et al. Moscow, 1998 (in Russ.).
 4. Pushkin A.S. Collected works: in 10 vols. Vol 5. Novels. Novellas / note by S. Petrov. Moscow, 1997 (in Russ.).
 5. Ragimov I.M., Savenkov A.N., Alikperov Kh.J. Etiology of individual criminal behavior: looking at the problem from a different angle // State and Law. 2023. No. 9, pp. 112-125 DOI: 10.31857/S1026945200276657-3 (in Russ.).
 6. Tolstoy L.N. Complete collection of works. The first episode. Works. Moscow, 1938. Vol. 10 (in Russ.).
 7. Shestov L.I. Writings: in 2 vols. Moscow, 1993. Vol. 1 (in Russ.).
- Original source – Kerimov A.D. Problems of philosophical and ethical understanding of criminal acts of a person // Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2024. No. 3, pp. 81-86.

♦ **Kerimov Alexander D.** – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Sector of Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation). E-mail: 801749@mail.ru

DOI: 10.31857/S1026945224030077

УДК: 340.12; 343

**Проблемы философско-этического осмысления
преступных деяний личности**

Аннотация: Рассматриваются некоторые вопросы философии права (в частности, уголовного), в особенности те, которые затрагиваются в статье И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова и Х.Д. Аликперова «Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему». Автор определяет критерии научности, ратует за максимально возможно широкое использование в исследовательском процессе междисциплинарного подхода, высоко оценивает положения и выводы, содержащиеся в названной статье, призывает ученое сообщество к их дальнейшему обсуждению. Вместе с тем он выражает сомнения относительно обоснованности тезиса о неизбежности прижизненной расплаты за совершенные злодеяния.

Ключевые слова: наука; междисциплинарный подход; творческие усилия; преступления; наказание; добро; зло; возмездие; совесть; вина.

Не погрешу против истины, если скажу, что очень многим моим коллегам - обществоведам и гуманитариям: философам, историкам, культурологам, психологам, политологам и др., - изыскания (равно выступления и рассуждения) юристов зачастую представляются невыносимо скучными, тягуче однообразными, чрезмерно сухими, притом переполненными разными казуистическими тонкостями и софизмами. Более того, они кажутся им еще и недостаточно глубокими, крайне поверхностными.

Не скрою, для меня такое восприятие весьма обидно, ибо лично я немалый период своей жизни посвятил изучению проблем права и государства и уже давно отчасти осознанно, отчасти произвольно приобрел, полагаю, полезную и вообще хорошую привычку с пристальным вниманием и искренним уважением относиться к данной сфере научного творчества и к людям, в ней работающим. Посему могу ответственно свидетельствовать: некоторые из исследователей правовой материи, в том числе и мои современники, достигли высочайших вершин в этом благородном и трудном деле.

Между тем вынужден признать, что подобное описанное выше негативное впечатление, складывающееся у многих ученых иных отраслей знания от публикаций нынешних легистов, в существенной степени оправдано, поскольку подавляющее большинство из них (иногда намеренно, чаще, конечно же, невольно) искусственно ограничивают свое видение социального бытия, затуманено, взирая на мир исключительно через, условно говоря, «юридические очки»¹. В результате его мысленный образ оказывается удручающе неполным и не-

♦ **Керимов Александр Жангирович** - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук (Российская Федерация). E-mail: 801749@mail.ru

¹ Это видение, уместно напомнить, и без того сильно ограничено: Homo sapiens в принципе не в состоянии ни чувственно воспринять, ни рационально объяснить бытие во всем его неисчерпаемом богатстве, всей его сложности и многоликости. Такое положение вещей обусловлено, с одной стороны, бесконечностью вселенной, а следовательно, и процесса познания, с другой — ограниченностью самого человеческого разума, который сам по себе на каждом новом этапе развития науки неизменно ставит пределы на пути извечного ни на секунду не останавливающегося интеллектуально-творческого освоения

точным, предстает в искаженном свете, в облике явно деформированном; его идея непоправимо утрачивает свою естественную органическую целостность.

Оценивая с позиций взыскательного, даже придирчивого читателя рассматриваемую работу [5, с. 112-125], можно с уверенностью заявить, что она выгодно отличается от множества работ последних лет. Статья получилась фундаментальной, насыщенной и интересной.

I

Итак, прежде о ее достоинствах. Позволю себе их назвать и кратко прокомментировать.

1. Мне и раньше доводилось высказываться относительно критериев научности. Их - несколько. В данном случае поименую только два, пожалуй, наиболее важные из них. Думается, во-первых, что настоящая, истинная наука начинается там и тогда, где и когда индивиду, заслуженно претендующему на высокое звание ученого, удается возвыситься до теоретического, желательного, философского уровня осмысления сложных, общезначимых проблем бытия и тревожных, суровых вызовов времени, предложив при этом адекватные решения и ответы. Во-вторых, научная деятельность, может считаться таковой, если в ходе ее и по ее итогам перманентно генерируются новые, передовые, оригинальные и дерзновенные идеи. Лауреат Нобелевской премии по физике (1918), член Прусской академии наук (1894) М.К. Планк, безусловно, прав, отмечая, что «лишь идеи делают экспериментатора - физиком, хронолога - историком, исследователя рукописей - филологом» [2, с. 593]. Именно они - плодотворные, перспективные идеи позволяют нам осваивать вселенную; на их основе возможно позитивное преобразование, улучшение, гуманизация грядущего жизнеустройства.

Скрупулезно изучив представленное на суд читателей эссе, не возникло никаких сомнений в том, что оно в полной мере соответствует изложенным критериям. Очевидно, что перед нами добротная научная работа.

2. Она к тому же проведена на стыке ряда дисциплин: как минимум философии, психологии, социологии, уголовного права, криминологии и др. А это с точки зрения обеспечения оптимальной результативности, предельной эффективности познавательного процесса чрезвычайно ценно. Ведь Мир - един. Лишь в нашем обыденном, убогоутилитарном восприятии он безнадежно, фрагментарен. Так, вычлняя отдельные его компоненты, концентрируясь на деталях и частностях, нам гораздо легче, удобнее его понимать. Но в реальности он не такой. На самом деле он целостен, взаимосвязан и взаимозависим, принципиально неразделим. Любое его абстрактное, умозрительное деление, дробление на составляющие части, крупные или малые, есть не более чем вынужденная, посему досадная и в чем-то по сути своей неестественная условность (хотя и бесспорно необходимая для осуществления анализа и последующего синтеза). Интеллектуальное постижение космоса, субстанциальности всех социальных и природных предметов и процессов объективно предполагает максимальную всесторонность и многогранность. Именно поэтому всегда и всюду ратую за широкое использование междисциплинарного подхода.

Совершенно уверен в том, что четко и ясно сформулировать по-настоящему стоящие, яркие и смелые идеи, выдвинуть стройные, внутренне сбалансированные, фундаментального уровня и порядка теоретические конструкции, воодушевляющие и увлекающие людей, предложить концептуально оформленные, новаторские, провоцирующие острые, оживленные

действительности. Воодушевляет то, что усилиями воли лучших представителей последовательно сменяющихся поколений эти пределы постоянно и неуклонно раздвигаются.

дискуссии гипотезы как в области общественно-гуманитарной, так и в сфере технико-технологической и естествознания, невероятно трудно. Авторам рассматриваемой статьи это в значительной степени удалось. И в первую очередь, по-видимому, потому, что они изначально весьма резонно вознамерились, сразу же вполне обоснованно задались целью работать непременно на стыке нескольких наук. Они отнюдь не пытались, как это до сих пор, к сожалению, делают многие, с ожесточением слепого и явно неуместного здесь фанатизма во что бы то ни стало сохранить и защитить неверно истолкованную чистоту своей дисциплины (криминологии), не стремились оградить ее от какого-либо вторжения извне. Напротив, они упорно расширяли диапазон своих изысканий, своих творческих усилий посредством масштабного и активного привлечения инструментов, приемов и способов, применяемых и используемых в других отраслях научной деятельности, а также полученных и аккумулированных в них достижений, результатов и выводов исследований.

3. Необходимо подчеркнуть, что представленную публикацию интересно читать. Она подвигает к раздумьям долгим и неторопливым, притом серьезным и сосредоточенным; она побуждает к размышлениям спокойным и неспешным, но вместе с тем тщательным и напряженным. К размышлениям по конкретно-юридическим, но главное, по абстрактным, философско-правовым вопросам мировоззренческого характера, что, полагаю, особенно ценно и лично для меня весьма привлекательно.

Работа написана профессионально, квалифицированно, со знанием дела. Ощущается глубокое проникновение авторов в самую суть анализируемых проблем. Это неудивительно, учитывая то обстоятельство, что каждый из них в течение нескольких десятков лет трудился на уровне юриспруденции, как в практической плоскости, так и в плане теоретическом: ключевые этапы их жизненного пути хорошо известны.

Наконец, обращает на себя внимание чистый, свободный слог, академическая и убедительная манера изложения, явственно выдающаяся умение правильно, ярко и четко выразить свои мысли, что в последние годы, увы, становится редкостью.

II

Теперь, согласно логике повествования, следовало бы перейти к недостаткам изучаемой статьи. Однако я предпочел бы посвятить вторую часть своего очерка не изобличению ее несомненно имеющих мелких изъянов и огрехов, а рассмотрению лишь одного-единственного, но чрезвычайно важного пассажа, вызвавшего замешательство, неподдельный скептицизм и, соответственно, соображения критического характера.

Этот фрагмент является таковым, т.е. исключительно значимым, прежде всего потому, что в нем речь идет о позиции классика русской и мировой литературы Ф.М. Достоевского, чье влияние на развитие философии в планетарном масштабе поистине огромно. Позволю себе привести данный отрывок. «Сегодня, как и несколько веков назад, в уголовном праве и уголовном процессе утверждается, что наказание за совершенное преступление всегда и везде назначается судом на основе обвинительного приговора, в котором определяется как его вид, так и сроки (размеры). Между тем этот постулат был опровергнут еще в 1866 г. Ф.М. Достоевским в его бестселлере “Преступление и наказание”, в котором он показал, что эту карательную функцию выполняет не только и не всегда суд. В частности, в своем знаменитом романе писатель более чем убедительно показывает, что в социуме не существует преступления без наказания, так как кара *de facto* настигает виновного и при его уклонении от

правосудия, и при латентных преступлениях, и при неустановлении лица, совершившего преступление, и т.д.

Но это — кара особого свойства, ее нет ни в одном уголовном кодексе. Но она реально существует и применяется не на основе вердикта суда, а налагается на виновного его внутренним «Я» («синдром Раскольникова»). Иными словами, неминуемость кары за совершенное зло - не только прерогатива суда, но и имманентное свойство повседневного бытия социальной среды, как, впрочем, и промысел Всевышнего, как это утверждают богословы» [3, с. 115].

Оставлю в стороне достаточно вольное, не вполне корректное, я бы сказал, ограничительное толкование смысла гениального произведения Ф.М. Достоевского². Ведь в контексте рассуждений моих коллег это не столь уж важно. К тому же они и не преследовали цель прокомментировать содержание замечательного сочинения. Принципиально другое. Возникает предельно конкретный и вместе с тем, по сути, экзистенциальный вопрос. Правы ли они (по моему интерпретируя Ф.М. Достоевского, ссылаясь на его непререкаемый авторитет и, безусловно, соглашаясь с ним, скорее даже не с ним, а с собственной аргументацией воззрений писателя), когда настаивают на том, что в любом сообществе за преступным деянием неизбежно следует расплата, возмездие неотвратимо постигает согрешившего не после кончины, а обязательно в продолжение отведенной ему земной жизни, а наше, человеческое бытие во все времена устроено так, что злодей, конечно же, оказывается наказан, если не соотечественниками или соплеменниками, то, по их выражению, внутренним «Я», т.е., насколько понимаю, своей совестью?

Да, страдания, которые испытывают люди, терзаемые угрызениями совести, тягостными душевными переживаниями, нестерпимыми муками по поводу ранее содеянного, и вправду бывают ужасны, порою безмерны. Недаром Л. Н. Толстой в своей великой историко-софской эпопее «Война и мир» вложил в уста князя Андрея Болконского изречение, сделавшее сразу же широко известным. Напомню, полемизируя с Пьером Безуховым, князь безапелляционно заявил: «Je ne connais dans la vie que maux bien reels: c'est le remord et la maladie. Il n'est de bien que l'absence de ces maux»³ [6, с. 110]. На долю смертных, разумеется, выпадают и другие жгучие горести, горькие беды. Но названные, пожалуй, одни из наихудших, самых страшных.

Вернемся, однако, к поставленному выше вопросу. Все же полагаю, что мои коллеги здесь заблуждаются: они скорее выдают желаемое за реальность, нежели объективно, безыллюзорно и беспристрастно оценивают настоящее, подлинное состояние страждущих душ. В душах этих беспрестанно идет драматическое, яростное, невидимое праздному взгляду сражение добра со злом, света с тьмой, праведности с порочностью и т.п. Всплывает в памяти фраза из последнего романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» произнесенная Дмитрием Федоровичем в разговоре с Алексеем Федоровичем: «Гут дьявол с богом борется, а поле битвы - сердца людей» [3, с. 113]. И в этой извечной, бескомпромиссной схватке зачастую побеждают темные, демонические силы. Отсюда огромное количество негодяев всевозможных типов и мастей, несметное число потрясающих крайней жестокостью, садистской изо-

² Точнее – смыслов, ибо его труд поразительно многогранен и многослоен, затрагивает духовные субстанции разных уровней и порядков.

³ «Я знаю в жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол».

щренностью, неумной жадностью, откровенным цинизмом преступлений, в которых каким-то невероятным образом проявляются все или почти все низменные, омерзительные свойства, черты человеческой натуры⁴ [1, с. 9].

Но дело не только в этом. Помимо людей плохих, злых, испорченных во все эпохи и у всех этносов, при любых социально-экономических формациях и в любых цивилизациях в изобилии были, есть и, похоже, до скончания веков будут и такие, для которых проблема морального выбора вообще никогда не встает. Для подобных персонажей ее не существует в принципе. Это объясняется тем заурядным обстоятельством, что у них банально нет совести или в лучшем случае она находится в рудиментарном состоянии. Они в определенном смысле духовно неполноценны, безнадежно ущербны. В них почему-то отсутствует столь необходимая, вроде бы органическая, неотъемлемая часть собственно человеческого.

Если бы все и всегда глубоко, искренне и деятельно раскаивались в своих былых неблаговидных проступках и непростительных преступлениях и тем самым несли за них тяжкое, но заслуженное бремя наказания, более того, прилагали бы усилия к тому, чтобы исправить ситуацию, избавить социум от негативных последствий своих прошлых провинностей и прегрешений, то мы продвигались бы по пути созидания нравственного, справедливого общества и государства феноменально успешно и стремительно. Но этого, к сожалению, не наблюдаем. Не имеющим совести не дано мучиться от ее угрызений и, соответственно, раскаиваться.

Уместно, как представляется, привести здесь умозаключения видного философа Л. И. Шестова из его книги «Potestas clavium. Власть ключей» [7, с. 129-131]. Рассуждая о творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, он фокусирует внимание читателя на том, что оба писателя (замечу, и очень многие интеллектуалы - литераторы, ученые России и Европы того времени) не единожды предавались напряженным и продолжительным раздумьям о Наполеоне I Бонапарте, о его мыслях и поступках, победах и поражениях, о существовании его личности. Они непременно хотели понять, почему Наполеон, безбоязненно и добровольно возложив на себя тягчайшую, казалось бы, невыносимую ответственность за несчастья и страдания, обрушившиеся в результате его деяний на миллионы сограждан и подданных других государств, ее как будто бы не чувствовал, абсолютно не мучался угрызениями совести.

Постичь это и впрямь нелегко, особенно если по примеру двух величайших русских моралистов не обинуясь полагать, что все сыны Адама в основном устроены одинаково. С точки зрения Л.И. Шестова, и Ф.М. Достоевский, и Л.Н. Толстой считали, что коль скоро их самих на всем их жизненном пути совесть ни на минуту не оставляла в покое, то она тем более должна была ни на миг не утихая, неимоверно сильно терзать и Наполеона. Однако этого, как видно, не происходило, что обусловлено тривиальным фактом: люди, по мнению фи-

⁴ Интересным, важным и, к сожалению, по-настоящему пугающим кажется пессимистическое наблюдение проф. А.И. Александрова, согласно которому скрупулезное и вдумчивое изучение многотысячелетней общественной истории неуклонно приводит к осознанию того ужасного факта, что ее с полным на то основанием правомерно рассматривать в том числе и как историю перманентно совершаемых, бесконечно воспроизводимых давно известных и постоянно возникающих все новых и новых видов преступлений. «В борьбе добра со злом, - уже оптимистично продолжает далее исследователь, - складывается нелогичная внешне ситуация: зло всегда сильнее, организованнее, сосредоточеннее, хитрее, а иногда умнее, но в итоге оно уступает добру. Может быть, не сразу, но в исторической перспективе добро стабильно побеждает». Выраженная в данной цитате однозначно жизнеутверждающая позиция небесспорна, но в нее хочется верить, она придает силы, воодушевляет, вселяет надежду. И в этом ее несомненная ценность.

лософа, устроены вовсе не одинаково, и совесть имеется далеко не у всех, а посему для Наполеона и проблема ответственности не возникала в принципе.

Талантливый французский политик и полководец, пишет далее Л.И. Шестов, действовал, если угодно, «согласно природе», как того настоятельно требовали стоики. В связи с этим ученый напоминает рассказанную Емельяном Пугачевым в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» притчу про орла и ворона: орел, питаясь свежим мясом, разрывая еще дышащих животных, живет тридцать лет, а ворон, поедая падаль, - триста. И им никогда не сойтись, не столкнуться, ни за что не понять друг друга [4, с. 314]. По точному замечанию Л.И. Шестова, человеку, верящему, что «ответственность есть сознание нравственного начала, живущее в сердце каждого, не дано “понять” Наполеона, который хотя и знал это слово, но либо не понимал его, либо понимал так, что оно, в представлении, скажем, Достоевского, больше бы выразалось совсем иным словом, примерно “безответственностью”» [7, с. 130].

С учетом изложенного утверждение моих коллег о неотвратимости прижизненной расплаты индивида за грехи и преступления кажется слишком категоричным. Практика с отрезвляющей холодностью неумолимо и красноречиво свидетельствует о том, что в реальности (и этого не могут не видеть авторы рассматриваемой статьи) зачастую все происходит по-другому, по сути, противоположным образом. Злодеи нередко не несут никакого наказания, а их жертвы остаются навек незаслуженно неотомщенными.

Если вина законоотступника не очевидна и не доказана, он не изобличен, не схвачен и не арестован по приговору суда, а совесть у него полностью отсутствует, т.е. если в итоге он не страдает ни в каком смысле, ни в физическом, ни в морально- психологическом, то тогда какие же в самом деле имеются основания считать, что в будущем его непременно постигнет кара? Где здесь место для ее предполагаемой неминуемости и в чем, собственно, она должна состоять? Может быть, провозглашаемой неизбежности попросту нет, по крайней мере на этом свете? Не существует ли благородная, но, на мой взгляд, все же несколько наивная идея всегдашней неотвратимости наказания преступника именно на брэнной земле, а не в Царстве потусторонних сил (напомню, неминуемость кары за совершенное зло, по мнению И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова и Х.Д. Аликперова, есть в том числе «имманентное свойство повседневного бытия социальной среды» [5, с. 115], лишь в отвлечении, лишь в воспаленном сознании, присущем, как правило, провозвестникам всех времен и народов грядущего, конечно, обязательно безупречно справедливого общественного устройства?

* * *

Высказанные искренние сомнения, отдельные соображения критического и бесспорно весьма дискуссионного характера ни коим образом не влияют на высокую оценку анализируемой статьи. Я не только рекомендую ее всем интересующимся философскими, этическими проблемами права, в частности уголовного права, но и приглашаю ученых и практиков к обсуждению поставленных в ней вопросов.

Библиография

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020.
 2. Антология мудрости / сост. В.Ю. Шойхер. - М. Вече, 2007.
 3. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 20 т. X 13. Братья Карамазовы: роман: в 4 ч. с эпилогом. 4. 1,2/ прим. А. Батюто, В. Ветловской, Г. Фридлиенцера и др. - М.: Терра, 1998.
 4. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Романы. Повести / прим. С. Петрова. М., 1997.
 5. Рагимов И.М., Савенков А. Н., Аликперов Х.Д. Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему// Государство и право. 2023. № 9. С. 112-125. DOI:10.31857/5102694520027657-3
 6. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Серия первая. Произведения. М., 1938. Т. 10.
 7. Шестов Л И. Соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 1.
- Первоисточник – Керимов А.Д. Проблемы философско-этического осмысления преступных деяний личности // Государство и право. 2024. № 3. С. 81-86.